

ТИПЫ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ¹⁾.

Одну изъ важнѣйшихъ задачъ нравственнаго богословія составляетъ обзорѣніе дѣйствительныхъ формъ человѣческой жизни въ ихъ отношеніи къ нравственному закону, изученіе реальныхъ условій жизни, которыми ограничивается и въ которыхъ осуществляется нравственный идеалъ, оцѣнка дѣйствительной жизни — не въ индивидуальныхъ проявленіяхъ, которыми вѣдаетъ проповѣдникъ, а въ общихъ видахъ и типахъ—по нормамъ нравственности. Въ эту задачу какъ ея составная часть входитъ изученіе религиозно-нравственныхъ типовъ.

Источниками изученія религиозно-нравственныхъ типовъ служатъ собственное наблюденіе, исторія, психологія, нраво-описательная и обличительная письменность и изящная литература ²⁾. Русскій богословъ съ особымъ вниманіемъ долженъ воспользоваться изящною литературою, потому что русская беллетристика представляетъ собою отрадное явленіе въ нашей жизни, наивысшій плодъ русскаго творчества. Это работа русскаго генія цѣломудренная ³⁾, вдумчивая, правдивая, мистически возвышенная и возгрѣтая сострадательною любовью къ труждающимся и униженнымъ. Она имѣетъ высокую гносеологическую цѣнность по религі-

1) Пробная лекція по кафедрѣ нравственнаго богословія, прочитанная 6-го Сентября.

2) Святоотечески-аскетическая жизнь и письменность относятся къ области христіанскаго идеала, а не дѣйствительности нашей мірской жизни.

3) По отзыву иностранной критики, удивляющейся авторскому цѣломудрію даже въ изображеніи такихъ грязныхъ типовъ, какъ типы М. Горькаго.

озно-нравственнымъ вопросамъ. Союзъ богословія съ русскою литературою долженъ принести цѣнные плоды.

Религія, по самому общему понятію, есть нравственное отношеніе конечнаго къ безконечному, земнаго къ небесному, человѣческаго къ божественному. Соответственно тому, проявляется ли въ этомъ отношеніи преобладаніе земнаго, человѣческаго, или небснаго, божественнаго, всѣ религіозно-нравственные типы распадаются на двѣ группы.

Въ первую группу — съ характеромъ преобладанія земнаго, человѣческаго—входятъ два типа религіозно-нравственной жизни.

Первый изъ нихъ это типъ людей, которые при религіозномъ настроеніи съ различною степенью силы, иногда весьма значительной, живутъ всецѣло мірскою жизнью, во всей полнотѣ ея страстей, интересовъ и цѣлей. Религія въ ихъ жизни это одно изъ цѣнныхъ средствъ достиженія земныхъ цѣлей, удовлетворенія человѣческихъ страстей,—средство, которое цѣнно особенно потому, что оно считается дѣйствительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказываются безсильными всѣ земныя средства, и къ которому прибѣгаютъ люди съ сильною волею лишь тогда, когда опускаются въ безсиліи собственныя руки, а люди лѣнливые даже тогда, когда было бы достаточно просто труда, умѣнья и терпѣнья. Такая религіозно-нравственная жизнь близко знакома русскому наблюдателю. Андрей Печерскій (П. И. Мельниковъ) въ интересныхъ и правдивыхъ очеркахъ воспроизводитъ эту жизнь „Въ лѣсахъ“, этомъ привольѣ старообрядческаго благочестія. Блестящими красками онъ рисуетъ предъ нами проявленія этого благочестія, цѣлую атмосферу ладана, истоваго перстосложенія и колѣнопоклоненій предъ иконами древняго письма, ревниваго соблюденія преданій старцевъ; здѣсь люди истинно услаждаются церковнымъ благолѣпіемъ, чинными уставными службами, блескомъ иконъ и паникадилъ, синеватыми клубами ладана; здѣсь блюдутъ благочестіе, дорожатъ имъ, охраняютъ себя отъ всего, что сквернитъ, а паче всего отъ общенія съ людьми, чуждыми древляго благочестія. Но подъ этимъ прозрачнымъ покрываломъ уставной чинности мнутся и клокочутъ сердечныя страсти въ первобытной несдержанности, въ широкомъ разгулѣ: „чревоугодіе, пѣанственнаго питія вкушеніе, объяде-

ніе, невоздержаніе“, ненависть, зависть, честолюбіе, сребролюбіе. Здѣсь „грѣхъ со спасеньемъ по-сосѣдски живутъ“. Типичнымъ представителемъ такой жизни предъ нами выступаетъ Патапъ Максимычъ Чапуринъ. Не будучи „законѣлымъ изувѣромъ“ старообрядчества, онъ „до страсти любилъ церковное благолѣпіе“, въ домѣ у него были моленная, своя канонница, онъ былъ „истовымъ“ попечителемъ часовни; онъ чуть не цѣлый день заставляетъ своихъ дочерей пѣть понравившіеся ему тропари Божоявленью, много жертвуетъ на скиты, а тотъ скитъ, гдѣ правитъ его сестра, содержится на его средства. Но еще болѣе того любилъ Патапъ Максимычъ вкусно и обильно покушать, обильно выпить, ублажить свою грѣшную плоть; страстно любилъ онъ широкой почетъ и богатство. Онъ ведетъ широкое коммерческое дѣло, весь до мозга костей погруженъ въ него, а хочетъ большаго и большаго. Онъ мечтаетъ о каменномъ домѣ въ Петербургѣ, предъ которымъ съ удивленіемъ останавливались бы прохожіе, о медаляхъ, крестахъ, мундирахъ, близкомъ знакомствѣ съ министрами, генералами, полковниками; онъ мечтаетъ о большой славѣ и даже о самоличной извѣстности самому Красному Солнышку. Онъ деспотичекъ, самонадѣянъ, строптивъ. Много въ душѣ его грязи. Онъ, по его собственнымъ словамъ, снаружи-то „блаженъ мужъ“, а внутри „вскуе шаташася“. Какимъ же союзомъ связываются и на какой почвѣ объединяются въ его душѣ искреннее благочестіе и земное пристрастіе?.. Благочестіе для него полезно и приятно. Такъ онъ „старинки“ придерживался потому, что у него расколомъ дружба и знакомство съ богатыми купцами держались, кредита отъ раскола больше было. Да кромѣ того, во время отлучекъ изъ дому, по чужимъ мѣстамъ жить въ раскольничьихъ домахъ бывало ему привольнѣй и спокойнѣй“. Куда бы онъ не поѣхалъ, „вездѣ и къ мало знакомому раскольнику идетъ онъ какъ къ родному. Всячески его успокоять, все приберегутъ, все сохранять и всѣмъ угождать. И то льстило Патапу Максимычу, что послѣ родителя былъ онъ попечителемъ Городецкой часовни и отъ часовеннаго общества былъ ему за то великій почетъ. А почетъ и особенно церковный почетъ Чапуринъ любилъ“. Льстило его самолюбію, когда, бывая въ той часовнѣ за службой, становился онъ впереди всѣхъ,

первый подходилъ къ цѣлованію евангелія или креста, получалъ отъ бѣглаго попа въ крещенскій сочельникъ первый кувшинъ богоявленской воды, въ вербу заутреню первую вербу, въ свѣтло Воскресенье первую свѣчу“. Служеніе Богу доставляло ему удовольствіе, которое стояло въ одномъ ряду съ другими земными удовольствіями ¹⁾. Вотъ ему выпалъ „ладный денекъ“, счастливый, удачный, приведшій его въ пріятное расположеніе духа. И было чему радоваться: новый заказъ получилъ, долгъ отдали, выгодно пшеницу купилъ, вечерню выстоялъ, новаго попа въ служеніи видѣлъ, дочь выгодно просваталъ. Подъ эту единственную мѣрку Чапуринъ подводитъ всякое доброе дѣло. „Великъ предъ Богомъ грѣхъ—родного человѣка изъ дому выгнать, говорилъ онъ женѣ относительно ея пьяницы брата. Отъ людей зазорно, роду-племени покорь! У добрыхъ людей такъ не водится. Славу Богу, насъ не объѣсть“. Кромѣ того онъ надѣялся сдѣлать изъ него, протрезвивъ его, хорошаго прикащика. „Доходна до Бога молитва нищаго“, говоритъ ему жена. „Подавай за Настю, чтобъ Господь послалъ ей хорошаго мужа“. Въ той средѣ, въ которой жилъ Патапъ Максимычъ, было несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что молитва и не только собственная молитва, но даже купленная молитва другихъ, много содѣйствуетъ человѣку въ достиженіи загробнаго блаженства и даже въ земныхъ дѣлахъ, независимо отъ ихъ нравственной цѣнности. Патапъ Максимычъ любилъ жертвовать на скиты; только помнилъ онъ при этомъ не объ одной загробной жизни, но вѣрилъ во временное воздаяніе. Изъ исторіи Іова, сидѣвшаго на гноищи, больше всего его вниманіе привлекало то, что „подалъ ему Богъ больше прежняго“.

Второй типъ это типъ людей, которые всю свою страстность, свои интересы перенесли въ область религіи, въ которой они видятъ свое вѣдомство, свой удѣлъ, свою службу. Человѣкъ второго религіозно-нравственнаго типа не имѣетъ внѣ религіи интересовъ, но въ религіи не имѣетъ ничего

¹⁾ По такимъ же побужденіямъ онъ принимаетъ епископа австрійскаго ставленія, когда услышалъ, что его приняли въ Москвѣ, Хвалыни, въ Казани. „Всѣ мои покупатели ему послѣдуютъ, говорилъ онъ. Не ссориться съ ними изъ-за такихъ пустяковъ“.

кромѣ своихъ личныхъ интересовъ, своихъ страстей. Этотъ человѣкъ слышалъ призваніе Божіе и оставивъ Халдею, будничную жизнь, переселился въ Палестину, на церковную службу, въ духовное вѣдомство, но подобно Рахили перевезъ сюда своихъ идоловъ, которымъ продолжаетъ поклоняться на новомъ мѣстѣ. Это служитель алтаря, который, обитая при храмѣ, перенесъ сюда свои пожитки и свои привычки и расположился здѣсь и чувствуетъ себя какъ дома; это жрецъ, который, ухаживая за идоломъ, вычищая его и перемѣняя на немъ одежды и украшенія, привыкъ къ нему, сознаетъ его беспомощность и свое значеніе для него и въ отсутствіе свидѣтелей фамиллярно хлопаетъ его по плечу; это прорицатель, который знаетъ, что сила оракула въ его собственномъ умѣ. Основное религіозно-нравственное направленіе этого рода людей опредѣляется убѣжденіемъ, что дѣло Божіе совершается человѣческими силами, умомъ людей, ихъ умѣньемъ, ловкостью, сообразительностью. Въ глубинѣ ихъ души таится невѣріе въ Божіи пути, недовѣріе Божіему разуму, Его промыслу. Они горды своимъ значеніемъ для дѣла вѣры, они боятся, что безъ ихъ сознательныхъ усилій, специальныхъ учрежденій и дѣйствій оно погибнетъ; они не вѣрятъ въ свободу людей, въ ихъ расположеніе къ добру, они видятъ въ добрѣ не само-довлѣющее благо, но только законъ, они не понимаютъ, что въ царствѣ Божіемъ духу человѣческому свѣтло и радостно, что атмосфера, свободная отъ мученій братскаго гнѣва, отъ нечистотъ разврата, отъ терзаній мести и внѣшняго противленія злу, атмосфера любви, прощенія, благословенія за враговъ, молитвы за гонителей, что эта атмосфера приноситъ нашему духу блаженство, что стоитъ лишь привести избраннаго Отцемъ небеснымъ въ соприкосновеніе съ царствомъ Его и онъ неудержимо увлечется къ нему, а непризванныхъ никакими мѣрами нельзя сдѣлать сынами Богу, что нужна человѣку прежде всего свобода отъ собственнаго грѣха и внѣшняго насилія. Представителей этого типа людей нужно искать, какъ само собою понятно, среди священно и церковно-служителей. Великолѣпно, съ исключительною рельефностью, колоритностью и глубиною представленъ этотъ типъ Ѳ. М. Достоевскимъ въ „Великомъ Инквизиторѣ“. Господь Исусъ Христосъ основалъ царство Божіе

на принципѣ, выразившемся въ побѣдѣ надъ искушеніями отъ діавола въ пустынѣ, на принципѣ свободнаго слѣдованія избранныхъ и призванныхъ царству духа. „Видишь ли, говорилъ Ему въ пустынѣ искушитель, видишь ли сіи камни въ этойъ нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои“. Но Онъ не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Онъ, если послушаніе куплено хлѣбами. Во имя свободной любви и свободной вѣры человѣка Онъ отвергъ также тѣ силы — чудо, тайна и авторитетъ, которыми могъ бы на вѣки побѣдить и плѣнить совѣсть людей. Онъ отвергъ предложеніе діавола броситься внизъ съ крыла храма, чтобы ангелы подхватили и понесли Его и не дали Ему упасть на землю и разшибиться; Онъ жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной; жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Наконецъ, во имя тойже свободы духа Онъ отвергъ предложеніе искушителя покорить людей и объединить ихъ внѣшнею властью, царскимъ авторитетомъ, основать всемірную монархію.—Но свобода духа доступна лишь немногимъ избранныкамъ. Тысячи и десятки тысячъ идутъ за Господомъ во имя небснаго хлѣба, вѣрують безъ чуда и живутъ свободою духа; но милліоны, десятки тысячъ милліоновъ слабовольныхъ и слабосильныхъ не могутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небснаго, не могутъ вѣровать безъ чуда и тайны, не могутъ объединиться безъ внѣшняго авторитета, не могутъ различать добра и зла безъ ига закона, не могутъ жить свободою совѣсти безъ внѣшней власти. И „Великій Инквизиторъ“ былъ въ пустынѣ, питался акридами и кореньями, благословлялъ свободу, дарованную Господомъ, и готовился уже стать въ число избранныхъ Его, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждой „восполнить число“. Но Онъ очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Онъ воротился и примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили подвигъ Его*. Онъ ушелъ отъ гордыхъ и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. Онъ хочетъ спасенія и счастья всѣхъ десятковъ тысячъ милліо-

новъ. Они могутъ достигнуть спокойствія совѣсти и безмятежнаго счастья лишь въ оковахъ самой строгой внѣшней дисциплины, рабской покорности внѣшней власти. Носителемъ такой церковной власти и является предъ нами „Великій Инквизиторъ“. Его встрѣча съ явившимся на землю Господомъ составляетъ въ поэмѣ поразительную картину. Пятнадцать вѣковъ спустя Господь пожелалъ хоть на мгновенье посѣтить дѣтей Своихъ; и вотъ, по безмѣрному милосердію своему, Онъ проходитъ еще разъ между людей въ томъ самомъ образѣ человѣческомъ, въ которомъ ходилъ тридцать три года между людьми. Онъ снисходитъ на „стогны жаркіе“ южнаго города (Севиля), какъ разъ въ которомъ всего лишь наканунѣ въ „великолѣпномъ автодафѣ“, въ присутствіи короля, двора, рыцарей, кардиналовъ и прелестнѣйшихъ придворныхъ дамъ, при многочисленномъ населеніи всей Севиля, была сожжена кардиналомъ, великимъ инквизиторомъ, разомъ чуть не цѣлая сотня еретиковъ *ad majorem gloriam Dei*. Онъ появился тихо, незамѣтно, но всѣ узнаютъ Его. Народъ непобѣдимую силою привлекается къ Нему, окружаетъ Его, нарастаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихою улыбкой безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи свѣта, просвѣщенія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже лишь къ одеждамъ Его, исходитъ цѣлящая сила. Онъ исцѣляетъ слѣпого, воскрешаетъ мертвую. Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія, и вотъ, въ эту самую минуту вдругъ проходитъ по площади самъ кардиналъ, великій инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, высокой и прямой, съ изсохшимъ лицомъ, со впалыми глазами, но изъ которыхъ еще свѣтится, какъ огненная искорка, блескъ. За нимъ въ извѣстномъ разстояніи слѣдуютъ мрачные помощники и рабы его и „священная“ стража. Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали. Онъ все видѣлъ, онъ видѣлъ воскрешеніе умершей, и лицо его омрачилось. Онъ хмуритъ сѣдыя густыя брови свои и взглядъ его сверкаетъ зловѣщимъ огнемъ. Онъ простираетъ персть свой и велитъ стражамъ взять того человѣка. И вотъ, та-

кова его сила и до того уже приученъ, покоренъ и трепетно послушенъ ему народъ, что толпа немедленно раздвигается предъ стражами и тѣ, среди гробоваго молчанія, вдругъ наступившаго, налагають на Него руки и уводять Его въ тюрьму. Толпа моментально, вся, какъ одинъ человѣкъ, склоняется головами до земли предъ старцемъ-инквизиторомъ; тотъ молча благословляетъ народъ и проходитъ мимо.

Ночью онъ посѣщаетъ Плѣнника и исповѣдуетъ предъ нимъ тѣ принципы, которыми держится, одушевляется и осмысливается его власть надъ народомъ. Онъ ставитъ себѣ и своимъ въ заслугу, что они побороли свободу, и сдѣлали это для того, чтобы сдѣлать людей счастливыми. Они исходятъ изъ убѣжденія, что люди малосильны, порочны, ничтожны, бунтовщики и не могутъ жить на свободѣ; но они хотятъ спасти и сдѣлать всѣхъ людей счастливыми. Они дали имъ хлѣбъ, — ихъ же собственный хлѣбъ раздѣлили между ними, какъ рабами, — хлѣбъ, котораго на свободѣ они не раздѣлили бы между собою, перерѣзались бы изъ-за него и онъ сталъ бы въ ихъ рукахъ камнемъ. Они создали для людей тайну и господствуютъ надъ ихъ совѣстью игомъ закона, строгой дисциплины, авторитетомъ власти. Инквизиторъ съ полною откровенностью сознается предъ Плѣнникомъ, что они не съ Нимъ, но съ Его искусителемъ, что они обманываютъ Его именемъ народъ и что этотъ обманъ доставляетъ имъ страданіе, но онъ увлеченъ ясно намѣченной цѣлью. „Люди, говоритъ онъ, станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхъ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей, и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости, и счастливой дѣтской пѣсенкѣ. Мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. Мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запре-

щать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей, и они будутъ покоряться намъ съ весельемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти,—все, все понесутъ они намъ, и мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостью, потому что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и странныхъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго. И всѣ будутъ счастливы, всѣ миллионы существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы, хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будутъ тысячи миллионовъ счастливыхъ младенцевъ, и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ обрящутъ лишь смерть“.

По той ясности сознанія, съ какою Великій Инквизиторъ стоитъ въ союзѣ съ искусителемъ Господа и съ какою онъ идетъ къ своимъ цѣлямъ и по тѣмъ страданіямъ, которыя доставляются ему этимъ сознаніемъ, онъ можетъ быть признанъ фантастическимъ лицомъ: онъ является предъ нами въ слишкомъ грандіозныхъ размѣрахъ, которые не подходятъ къ жизни. Мы скорѣе встрѣчаемъ въ жизни такихъ инквизиторовъ, которые, обманывая другихъ, и себя обманываютъ и потому самодовольны, не страдаютъ. Но этими грандіозными размѣрами явленія многое освѣщается въ жизни: стоить только продолжить наши прямыя линіи, обычно короткія, стоить только уяснить принципы, которыми руководятся мелкіе инквизиторы, вообразить дѣятельность послѣднихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и мы увидимъ, съ кѣмъ они, съ Господомъ или Его врагами.

III.

Вторую группу составляютъ такіе типы религіозно-нравственной жизни, въ которыхъ божественное или внѣшнее преобладаетъ надъ человѣческимъ, не давая ему свободы жизни и развитія, или же внутренне овладѣваетъ имъ, свободно проникаетъ его, принимая его на служеніе въ полнотѣ его естественной жизни и развитія. Легко понять, что въ этой группѣ также объединяются два типа.

Изъ нихъ первый, въ общемъ порядкѣ третій, есть типъ такой религіозно-нравственной жизни, которая построится на принципахъ пространственныхъ, количественныхъ отноше-

ній человѣческаго къ божественному, земного къ небесному. Божественное и человѣческое это двѣ разныя области, такъ что перейти въ область божественной жизни, можно лишь оставивъ область жизни человѣческой. Божественная жизнь возвышается надъ человѣческой, какъ безконечное и неограниченное надъ конечнымъ и условнымъ; первая можетъ соединяться со второю только подъ условіемъ, что человѣческая жизнь теряетъ свою ограниченность. Здѣсь земная условность и прежде всего тѣлесная ограниченность рассматривается какъ зло, потому что внѣшняя условность служить преградой, отдѣляющей человѣка отъ небснаго блаженства. Тѣло-это темница, въ которую ввержень духъ, жаждущій свободнаго полета въ небсныя обители. Здѣсь все усиліе направлено на подавленіе плоти, все вниманіе обращено на достиженіе личнаго совершенства, все спасеніе полагается въ бѣгствѣ изъ міра. Подавлять страсти и привязанности, умерщвлять плоть, освободить духъ отъ оковъ тѣлесныхъ потребностей и земныхъ отношеній—считается единственнымъ призваніемъ человѣка. Міръ есть скверна, исключительное значеніе которой въ томъ, что она даетъ возможность добродѣтели воздержанія, побѣды надъ искушеніями. Человѣкъ жаждетъ уединенія, на все окружающее онъ смотритъ съ презрѣніемъ, онъ боится оскверненія отъ одного прикосновенія къ мірскимъ интересамъ. Душа трепещетъ въ своемъ одиночествѣ, какъ въ непроглядной тьмѣ, погружается въ себя, изъ себя хочетъ создать идеальный міръ, въ себѣ ищетъ сіянія небснаго луча, свободы отъ міра и мистическаго погруженія въ божественную жизнь. Человѣкъ хочетъ въ экстазѣ превзойти самого себя, весь напрягается въ созерцательномъ самозабвеніи, весь сосредоточивается въ умномъ дѣланіи, въ интеллектуальномъ подъемѣ надъ дебелостью своей природы, а жизнь, дѣйствительная жизнь, богатая содержаніемъ, неисчерпаемая въ разнообразіи формъ остается гдѣ-то вдали, не тронутая экстазомъ. И вотъ она снова давить его своею тяжестью, связываетъ его оковами своихъ потребностей, — и онъ побѣжденъ. Мистическая вѣра даетъ содержаніе его уму, слегка затрогиваетъ его чувство и не доходитъ до его воли. Она слишкомъ интеллектуальна, тонка и слаба, чтобы овладѣть всѣмъ его существомъ, направлять его дѣятель-

ность, опредѣлять его жизнь.... она безъ дѣлъ становится мертвою, она вырождается въ безжизненное занятіе богословіемъ. А вѣдь и онъ, человѣкъ этой мертвой вѣры, испытывалъ священный восторгъ, искалъ драгоценной жемчужины, и нашелъ ее, и пошелъ, продалъ все имущество, чтобы купить ее, но, купивъ, закопалъ въ землю: такъ его мина не принесла прибыли. Онъ построилъ домъ свой на пескѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ,—и было паденіе его великое.

Разсматриваемый видъ религіозно - нравственной жизни сложнѣе другихъ—если не внутреннимъ содержаніемъ своимъ, то во всякомъ случаѣ тѣмъ, что онъ болѣе другихъ видовъ допускаетъ развитіе. Это развитіе направляется отъ односторонняго аскетизма къ интеллектуальной безжизненности мертвой вѣры. Образъ перваго съ замѣчательною правдивостью представленъ И. М. Потапенко въ лицѣ Григорія Лозовскаго („Живая жизнь“), а образъ второй мастерски олицетворенъ у А. Ѳ. Писемскаго въ лицѣ Егора Егорыча Марейна, одного изъ „Масоновъ“.

Григорій Лозовскій, герой романа Потапенко, хотя и казался окружающимъ его существомъ таинственнымъ, но предъ нами является въ авторскомъ изображеніи довольно прозрачнымъ—простымъ и послѣдовательнымъ характеромъ. Въ глубинѣ его самосознанія заложены двѣ характеристичныя основы—ненависть къ людямъ, соединенная съ презрѣніемъ, и гордость.

Лозовскій ненавидитъ людей. Они, по его мнѣнію, не стоятъ возни съ ними. Онъ остался бы равнодушнымъ, если бы на его глазахъ всѣхъ ихъ перерѣзали. Его ненависть опирается на презрѣніе къ людямъ. Презираетъ онъ ихъ за ихъ глупость и ограниченность. Уже въ школѣ онъ чувствовалъ себя выше другихъ, онъ не могъ ставить себя наряду съ товарищами: „у нихъ у всѣхъ, какъ у большинства людей, плоскія головы“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не вѣрилъ въ свободное безкорыстное добро: „люди злы и себялюбивы. Если они дѣлаютъ добро, то или по тщеславію, или въ надеждѣ на благодарность. Все, что ни дѣлаютъ люди, вытекаетъ изъ самыхъ грубыхъ, узкихъ, эгоистическихъ побужденій. Добро существуетъ только въ теоріи, зло на прак-

тикѣ“. Въ частности онъ не любилъ женщинъ: онъ считалъ ихъ существами низшими.

Другая основная черта Лозовскаго—гордость. Это прежде всего его гордость по отношенію къ другимъ людямъ, которыхъ онъ презираетъ; затѣмъ это гордость духа по отношенію къ презрѣнной и низкой плоти. Онъ ищетъ одиночества и полагаетъ счастье въ томъ, чтобы какъ можно меньше соприкасаться съ людьми. Онъ не принимаетъ отъ людей благодѣяній, чтобы чувствовать себя свободнымъ. Онъ даже отрицаетъ дружбу: „Дружба—это проявленіе слабости духа; она достойнѣе обыкновенныхъ среднихъ людей. Идеаль возвышенной души—одиночество. Нѣтъ ничего выше одиночества; только въ немъ духъ отрѣшается отъ пошлости и становится близкимъ къ божеству, — онъ самъ становится божествомъ. Поэтому Лозовскій находилъ особенное удовольствіе жить на кладбищѣ. Онъ здѣсь обрѣталъ уединеніе и вмѣстѣ пищу своему презрѣнію къ людямъ. „Если, говорилъ онъ своему товарищу, Глѣбу Щедрову,—я когда нибудь буду имѣть власть распоряжаться своею личностью, я непременно поселюсь на кладбищѣ. Я построю домъ какъ разъ въ центрѣ, среди могилъ и памятниковъ, и мнѣ будетъ ужасно весело. И всякій разъ, когда на кладбище принесутъ новаго покойника, я буду праздновать это событіе, я буду задавать пиръ въ честь того, что однимъ мизернымъ существованіемъ стало на землѣ меньше“. Относясь съ презрѣніемъ къ людямъ, Лозовскій съ крайнимъ неуваженіемъ относился и къ своему тѣлу: „оно только обременяетъ духъ и тянетъ его книзу“. Онъ хотѣлъ бы быть нечеловѣкомъ — духомъ, тѣмъ чистымъ духомъ, который не знаетъ ни слабости, ни уступокъ, — свободнымъ и великимъ духомъ. Его идеаль не быть животнымъ, вовсе не быть животнымъ, и провести это до мелочей. Истинное счастье онъ полагаетъ въ духовномъ самоусовершенствованіи; послѣдняя цѣль его — успокоиться и предаться созерцанію.

Единственно изъ самолюбія, гордости и желанія свободы Лозовскій мечтаетъ о монашествѣ. „Монахъ это свободное существо. Онъ изолированъ отъ міра и соприкасается съ нимъ только внѣшнимъ образомъ, онъ враждебенъ міру, онъ смотритъ на міръ съ высоты своего одиночества, съ вы-

соты своей чистоты и безупречности. Монашество—это форма одиночества“.

Въ жизни Лозовскаго сыграла выдающуюся роль его любовь къ Валентинѣ. Это была ненормальная любовь; онъ самъ справедливо называлъ ее сумасшествіемъ, безуміемъ. Въ той самой степени, въ какой онъ ненавидѣлъ людей, презиралъ плоть, презиралъ женщинъ, онъ ненавидѣлъ и Валентину и вмѣстѣ съ тѣмъ его тянула къ ней дикая стихійная сила. Любовь для него была равносильна потерѣ власти надъ собою, паденію съ высоты духа, бѣсовскому одержанію. Онъ любилъ Валентину и вмѣстѣ мстилъ ей за свое униженіе, за то, что она столкнула его съ неба на землю, издѣвался надъ нею и неоднократно собирался убить ее и себя. Въ этой любви сошлись два дикихъ звѣря.

Убѣдившись изъ отношеній къ Валентинѣ, что въ немъ сидитъ животное, что ему „не дано“ жить въ совершенной чистотѣ, Лозовскій однако не хотеть уступить своей природѣ, онъ хотеть достигнуть полнаго освобожденія, хотя бы для этого „пришлось уничтожить себя. У меня, говорилъ онъ, натура ужасная! Въ ней столько низменнаго, животнаго, грязнаго, она такъ противорѣчитъ всѣмъ моимъ стремленіямъ, моему идеалу; она тянетъ меня книзу. Но я не пойду за нею. Она хотеть уничтожить мою духовную сторону, но нѣтъ, пусть лучше я ее уничтожу“. Съ этою цѣлью онъ покрываетъ монашескими одеждами клокочущій въ груди его огонь; поселившись на кладбищѣ въ полномъ уединеніи, онъ уморилъ себя голодомъ и холодомъ.

Глѣбъ Щедротовъ, можетъ быть, былъ неправъ, когда говорилъ Лозовскому, что его духовная высота есть простое самоуслажденіе, простая гимнастика празднаго ума; но несомнѣнно, что Лозовскій въ борьбѣ съ своею дикою страстью не испыталъ одного средства — подвига для ближняго, для живаго страдающаго человѣка, для живой жизни.

Егоръ Егорычъ Марѣинъ былъ очень маленькаго роста, съ лицомъ гордо приподнятымъ вверхъ, съ голубыми глазами, тоже закинутыми къ небесамъ, и съ небольшими, торчащими, какъ у таракана, усиками,—точно онъ весь стремился упорхнуть куда-то въ высъ. Онъ былъ масонъ, т. е. ставилъ цѣлью своей жизни устройство и очищеніе внутренняго человѣка, нравственное усовершенствованіе и вос-

пріятіе Христа посредствомъ молитвы, поста, мудромысля, мудрочтенія и мудробесѣдованія. Сводя всѣ догматы къ евангелію, онъ уклонялся отъ „казеннаго (по его выраженію) православія“, потому что не находилъ въ немъ простора для своего мистицизма. Его масонство было искренно; обладая прирожденнымъ мягкосердечіемъ и почти безконечною природною добротою, онъ чистосердечно стремился къ духовному совершенству, хотѣлъ быть аскетомъ, неустанно практиковалъ умное дѣланіе, съ глубокимъ вниманіемъ и полною любовью занимался изученіемъ и объясненіемъ масонскихъ символовъ и ритуаловъ. Что такое умное дѣланіе? „Оно, какъ объясняетъ самъ Егоръ Егорычъ, стремится вывести темный огонь жизни изъ свѣта внѣшняго міра въ свѣтъ міра божественнаго. Но такъ какъ внѣшнія вещи міра мы познаемъ: первое, чрезъ внѣшній свѣтъ, въ коемъ мы ихъ видимъ; второе, чрезъ звуки, которыми онъ съ нами говоритъ, и чрезъ тѣлесныя движенія, которыя ихъ съ нами соединяють, то для отвлеченія всего этого необходимы мракъ, тишина и собственное безмолвіе; а потому, приступая къ умному дѣланію, мы должны замкнуться въ тихой и темной кельѣ безмолвно, пребывать въ ней въ неподвижномъ положеніи, сидя или лежа. За симъ самое умное дѣланіе совершается въ семи степеняхъ, соотвѣтственно семи видамъ природы: изъ сихъ семи степеней или видовъ три суть темныя, въ коихъ нашъ огненный духъ еще только стремится къ небесному свѣту, одинъ видъ есть переходный и три послѣдніе высшіе. Въ частности сіи семь видовъ и степеней *умнаго дѣланія* суть слѣдующіе: отвлекшись отъ множественности чувствъ, мыслей и желаній, должно собрать и сосредоточить всю силу духа въ области сердца. Вспомогательными средствами для сего являются: задержаніе дыханія (ноздренное дыханіе), при мысленномъ портореніи молитвы Иисусовой. Сіе называется *сжатіемъ* духа; сіе сжатіе переходитъ во внутреннее порывистое *движеніе*, выражающееся усиленнымъ биеніемъ сердца. Въ такомъ движеніи духъ, не будучи въ состояніи выйти изъ самого себя, впадаетъ въ *томленіе*. Но томленіе духа по небесному свѣту приближаетъ къ намъ сей послѣдній; когда же онъ соприкасается съ нашимъ духомъ, то происходитъ *сотрясеніе* или *толчекъ*, иначе называемый *небесною молніею*. Это есть переходъ или прорывъ

изъ темной области въ свѣтлую. Здѣсь наше существо вводится въ райскую сущность, которая открывается, какъ божественная *теплота*, за каковою слѣдуетъ небесная *сладость*, ощущение коей не сопровождается никакимъ страстнымъ томленіемъ и никакими движеніями въ тѣлѣ; послѣднюю же степень составляетъ видѣніе небснаго *свѣта* и божественныхъ образовъ“. Умному дѣланію, какъ уже сказано, Егоръ Егорычъ предавался усиленно. Тѣ случаи въ жизни, которые вызываютъ людей на энергичную дѣятельность, обычно давали ему поводъ погрузиться въ умное дѣланіе. Черезъ призму мистицизма проходили всѣ его отношенія къ людямъ и потому во всѣхъ случаяхъ однообразно преломлялись и получали одинаковую окраску. Своего племянника Ченцова онъ съ ранней молодости взялъ подъ свое покровительство и энергично окружалъ его своими наставленіями и выговорами, пока мать Ченцова не разобрала его самыми гадкими и оскорбительными словами и даже просила его избавить отъ своихъ посѣщеній; послѣ ея смерти онъ поспѣшилъ помириться съ племянникомъ и предался горячему желанію просвѣтить его масонствомъ, но Ченцовъ устроилъ ему скандалъ, впрочемъ пользовался его карманомъ и въ концѣ концовъ трагически кончилъ свою жизнь.— Полюбивъ старшую изъ трехъ сестеръ Рыжовыхъ, Людмилу, онъ желалъ ее болѣе, чѣмъ кого либо посвятить въ таинство герметической философіи, мечталъ устроить ея душу по строгимъ правиламъ масонской морали, но она, отдавшись развратному Ченцову, преждевременно покончила свои годы. Обративъ затѣмъ свое особенное вниманіе на вторую сестру, Сусанну, Егоръ Егорычъ съ любовью посвящаетъ ее въ тайны масонства; онъ везетъ ее въ церковь, украшенную масонскими знаками и торжественно объясняетъ ей ихъ смыслъ: „подъ куполомъ, толковалъ онъ, всевидящее око съ надписью: *Mixisti obscurum* — просвѣтилъ еси тьму! А полъ окномъ этимъ кругъ *sine fine* безъ конца“.... Онъ пишетъ ей письма о молитвѣ словесной, умной, созерцательной, посылаетъ ей душеспасительныя книги, составляетъ для нея экстракты изъ масонскихъ сочиненій, ему хотѣлось видѣть въ ней масонку, умѣющую практиковать умное дѣланіе. Сусанна, будучи „нервно-духовной субстанціей“, а отчасти по сложившимся семейнымъ обстоятель-

ствамъ оказалась воспріимчивою къ тайнамъ масонства. Достигнувъ въ этомъ отношеніи полнаго успѣха, Егоръ Егорычъ женился на ней. Но это былъ бракъ духа. Однако Сусанна, несмотря на свою духовность и строгую мораль, все не была сухимъ и черствымъ существомъ и никакъ не могла ограничиться въ своихъ пожеланіяхъ одной лишь сферой масонства. И вотъ предъ смертью Егоръ Егорычъ долженъ былъ сознаться, что онъ заѣлъ молодость и весь вѣкъ Сусанны... Таковы были отношенія Егора Егорыча къ ближайшимъ къ нему лицамъ. Но по крайней мѣрѣ достигъ ли онъ личнаго совершенства, внутренняго благосостоянія? Онъ умѣлъ не обнаруживать гнѣвливости, но въ душѣ его постоянно гнѣздилились гордость, уныніе и печаль. „Я элецъ, я нетерпяшка! Гдѣ-жъ мое духовное самовоспитаніе? Его нѣтъ ни на грошъ во мнѣ!“ говорилъ онъ самому себѣ.

Къ этому же типу относятся и именно занимаютъ среднее мѣсто между разсмотрѣнными образами — Аглая („Девятый валь“ А. П. Данилевскаго) и Лиза Калитина („Дворянское гнѣздо“ И. С. Тургенева).

IV.

Переходимъ теперь къ четвертому, и послѣднему, типу религіозно-правственной жизни.

Эта жизнь представляетъ собою внутреннее и свободное проникновеніе божественнаго начала въ границы и формы человѣческаго существованія, согласное сочетаніе небснаго и человѣческаго, реализацію божественной воли въ условіяхъ и законахъ человѣческаго существованія, дѣйствительное служеніе человѣческой жизни божественному содержанию. Эта жизнь создается двойною любовью,—во-первыхъ, любовью къ духовнымъ благамъ, къ небснай чистотѣ, къ вѣчной духовной божественной жизни, и во-вторыхъ, любовь къ земной жизни, начиная съ собственной жажды жизни и кончая любовью ко всѣмъ ея проявленіямъ, всѣмъ ея носителямъ,—любовью къ „клейкимъ, распускающимся весной листочкамъ“, голубому небу, человѣческому подвигу, любовью къ дѣтямъ, къ ихъ радостямъ, жалостью къ ихъ страданіямъ, любовью ко всѣмъ страдальцамъ, униженнымъ и презрѣннымъ,—любовью къ лицу человѣка, котораго встрѣчаешь, къ его рѣчи, улыбкѣ, любовью индиви-

дуальною всегда дѣятельною. Двойство этой любви составляетъ ея силу и дѣлаетъ то, что земная жизнь очищается отъ того, что противно любви къ божественному, противно духовному блаженству, (отъ братскаго гнѣва, отъ тяжелого кошмара разврата, самозамкнутой и самодовольной гордости, презрѣнія,—очищается именно силою любви, но затѣмъ земная жизнь во всѣхъ своихъ условныхъ формахъ, во всей своей видимой уничиженности становится орудіемъ божественной воли. Уничиженность земной жизни, ея ограниченность соединяются съ божественными благами, потому что божественная жизнь не есть жизнь внѣшне-величественная, грозная и неприступная слава, но жизнь невидимая духовная, она соединяется съ земнымъ уничиженіемъ, съ формами человѣческаго бытія какъ внутреннее содержаніе,—соединяется силою вѣры. Эта религіозно-нравственная жизнь создается вѣрою—любовью, которая споспѣшествуется силою вѣры, и вѣрою, которая дѣйствуетъ любовью — тою вѣрою, которая въ клейкихъ, распускающихся весною листочкахъ созерцаетъ творческую силу Божію, которая подъ грубою внѣшностью нищеты и невѣжества усматриваетъ богоподобную душу, отъ которой даже безобразіе порока и скверна преступленія не скрываютъ божьяго творенія, искры божественнаго свѣта.

.....
 Остановись, поднявши камень
 На жертву зла и нищеты!
 Корою грубою закрытый,
 Быть можетъ, въ грязной нищетѣ
 Добра зародышъ неразвитый
 Горитъ, какъ свѣчка въ темнотѣ!
 Быть можетъ, жертвѣ заблужденья
 Доступны рѣдкія мгновенья,
 Когда казнитъ она свой вѣкъ
 И плачетъ, сердце надрывая,
 Какъ плакалъ предъ дверями рая
 Впервые падшій человѣкъ...

Въ этомъ видѣ религіозно-нравственной жизни Духъ Божій, носившійся во дни оны надъ первобытнымъ хаосомъ, спускается въ формы жизни, выработанныя творческою силою Божіею изъ этого хаоса, облекается въ нихъ, проникаетъ

во всё улицы, переулки, тропинки и изгороди человеческой жизни, всюду внося тепло и свѣтъ, истину и правду, все приводя любовью на служеніе Богу. Здѣсь человѣкъ служитъ Богу въ естественныхъ отношеніяхъ земной жизни, какъ сынъ развратнаго отца, какъ братъ несчастнаго преступника, какъ отецъ бѣднаго семейства, служить Господу Іисусу въ мрачныхъ трущобахъ нищеты, болѣзней и преступленій, давая ѣсть алчущимъ, пить жаждущимъ, одѣвая нагихъ, принимая странниковъ, посѣщая несчастныхъ въ темницахъ и больницахъ, служа всѣмъ меньшимъ братьямъ Христа. Это жизнь дѣйствительной вѣры и дѣятельной любви. Здѣсь мы видимъ праведника въ занятіяхъ земледѣльца, дѣлателя палатокъ, рыболова, служителя, здѣсь мы видимъ подвиги подаванія холодной чаши воды бѣдному страннику, обмыванія раны попавшему въ руки разбойниковъ, ухода за дѣтми, обученія малыхъ сихъ, служенія наукѣ, искусству, подвиги служенія правдѣ и добру въ тѣхъ дѣйствительныхъ условіяхъ и формахъ, въ которыхъ живетъ человѣчество.....

Это служеніе не можетъ совершаться во имя Христа безъ молитвы, безъ благодатной помощи церкви и безъ аскетическихъ подвиговъ. Но въ томъ дѣло, что въ людяхъ дѣятельной хрістіанской любви аскетическое усмиреніе плоти не считается самовладѣющимъ совершенствомъ, но служить лишь условіемъ духовной жизни, что въ молитвѣ и церковной благодати они ищутъ силъ для дѣятельной любви, для дѣятельнаго служенія людямъ, что для нихъ обрядовое богослуженіе и церковное благоустройство дороги какъ символы дѣятельнаго служенія Богу, какъ средство воспитанія дѣятельной любви и жизненной вѣры.

Изобразить типъ такой религіозно-нравственной жизни — это столь величественная и грандіозная задача, что ее могъ исполнить только такой геній, глубоко религіозный и вѣрующій, какимъ былъ Ф. М. Достоевскій, безсмертный творецъ такого типа въ лицѣ Алеши Карамазова.

Алеша Карамазовъ — сынъ развратнаго отца и юродивой кликуши, братъ Ивана Карамазова, убѣжденнаго себялюбца, и Димитрія, ведущаго жизнь распущенную и безтолковую. Онъ выводится предъ нами въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, въ монашескомъ одѣяніи. Былъ онъ вовсе не фанатикъ и

не мистикъ даже. Онъ просто былъ ранній человѣколюбецъ, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что въ то время она одна поразила его и представила ему, такъ сказать, идеаль исхода рвавшейся изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его. И поразила-то его эта дорога лишь потому, что на ней онъ встрѣтилъ тогда необыкновенное, по его мнѣнію, существо — знаменитаго монастырскаго старца Зосиму, къ которому привязался горячею первою любовью своего неутолимаго сердца. Это былъ и дѣйствительно замѣчательный старецъ. Онъ рисуется предъ нами авторомъ въ чертахъ необычайно симпатичныхъ. Отъ его образа становится на сердцѣ тепло, радостно и умиленно. Исполненный ко всѣмъ любви, онъ близко принималъ къ сердцу чужья нужды, былъ доступенъ и легко проникалъ въ чужую душу. Онъ наставлялъ своихъ слушателей молитвѣ за всѣхъ людей и особенно любви. „Братья, не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во грѣхѣ его, ибо сіе ужь подобіе божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будемъ любить всякую вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь наконецъ весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовію... Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, это онъ затретъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться. Бѣгите сего унынія... Помни особенно, что не можешь ничѣмъ судьбою быть. Ибо не можетъ быть на землѣ судья преступника, прежде чѣмъ самъ судья не познаетъ, что и онъ такой же точно преступникъ, какъ и стоящій предъ нимъ, и что онъ-то за преступленіе стоящаго предъ нимъ, можетъ, прежде всѣхъ и виноватъ“. Алеша полюбилъ старца и привязался къ нему. Отъ этой любви какой-то глубокой, пламенный внутренній восторгъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался въ его сердцѣ. Не смущало его нисколько, что этотъ старецъ все-таки стоитъ предъ нимъ единицей: „Все равно, онъ святъ, въ его сердцѣ тайна обновленія для всѣхъ, та мощь, которая

установить, наконецъ, правду на землѣ и будутъ всѣ святы, и будутъ любить другъ друга и не будетъ ни богатыхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ, а будутъ всѣ какъ дѣти Божіи и наступитъ настоящее царство Христово“. Вотъ о чемъ грезилось сердцу Алеши. Возлюбленный ученикъ своего старца, Алеша любилъ людей: онъ, казалось, всю жизнь жилъ совершенно вѣря въ людей, а между тѣмъ никто и никогда не считалъ его ни простячкомъ, ни наивнымъ человѣкомъ. Что-то было въ немъ, что говорило и внушало (да и всю жизнь потомъ), что онъ не хочетъ быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя осужденія и ни за что не осудить. Казалось даже, что онъ все допускалъ, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, въ этомъ смыслѣ онъ до того дошелъ, что его никто не могъ ни удивить, ни испугать, и это даже въ самой ранней своей молодости. Явясъ на двадцатомъ году къ отцу, (онъ воспитывался въ чужихъ людяхъ) положительно въ вертепъ грязнаго разврата, онъ, цѣломудренный и чистый, лишь молча удалялся, когда глядѣть было нестерпимо, но безъ малѣйшаго вида презрѣнія или осужденія кому бы то ни было. Отецъ же, бывший когда-то приживальщикъ, а потому человѣкъ чуткій и тонкій на обиду, сначала недовѣрчиво и угрюмо его встрѣтившій, скоро кончилъ однако-же тѣмъ, что сталъ его ужасно часто обнимать и цѣловать, не далѣе, какъ чрезъ двѣ какія-нибудь недѣли, правда, съ пьяными слезами, въ хмѣльной чувствительности, но видно, что полюбивъ его искренно и глубоко и такъ, какъ никогда, конечно, не удавалось такому, какъ онъ, никого любить.

Въ Алешѣ Карамазовѣ самымъ характеристичнымъ было именно то, что любовь его всегда была дѣятельная; любить пассивно онъ не могъ; возлюбивъ, онъ тотчасъ же принимался помогать. Это былъ юноша честный по природѣ своей, любящій истину въ словахъ, требующій правды въ жизни, ищущій и вѣрующій въ нее, а, увѣровавъ, требующій немедленнаго участія въ ней всею силой души своей, требующій скорого подвига, съ непремѣннымъ желаніемъ хотя бы всѣмъ пожертвовать для этого подвига, даже жизнью. Едва только онъ, задумавшись серьезно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ, то сейчасъ же есте-

ственно сказалъ себѣ: „хочу жить для безсмертія, а половиннаго компромисса не принимаю“. Алешѣ казалось даже страннымъ и невозможнымъ жить попрежнему. Сказано: „раздай все и иди за Мною, если хочешь быть совершенъ“; Алеша и сказалъ себѣ: „не могу я отдать вмѣсто всего два рубля, а вмѣсто „иди за Мною“ ходить лишь къ обѣднѣ“. Правда, вначалѣ этотъ подвигъ представлялся Алешѣ именно въ видѣ жертвы всею жизнью,—„вѣдь не понимаютъ такіе юноши, что жертва жизнью есть, можетъ быть, самая легчайшая изъ всѣхъ жертвъ во множествѣ такихъ случаевъ, и что пожертвовать, напримѣръ, изъ своей кипучей юностью жизни пять—шесть лѣтъ на трудное, тяжелое ученіе (Алеша по собственной волѣ не кончилъ курса гимназіи), на науку, хотя бы для того только, чтобы удесятерить въ себѣ силы для служенія той же правдѣ и тому же подвигу, который излюбилъ и который предположилъ себѣ совершить—такая жертва сплошь да рядомъ для многихъ изъ нихъ почти совсѣмъ не по силамъ“. Но любвеобильный, глубоковѣрующій и пронизательный старецъ Зосима далъ истинное направление восторженному подвижничеству Алеши. Онъ постоянно посылаетъ Алешу изъ монастыря въ городъ къ отцу, къ братьямъ, требуетъ, чтобы онъ бывалъ тамъ, тамъ совершалъ подвигъ любви. Мало того; старецъ благословилъ его и совсѣмъ оставить монастырь для жизни въ міру. „Ты тамъ нужнѣе. И знай сынокъ (старецъ любилъ его такъ называть), что и впредь тебѣ не здѣсь мѣсто. Запомни сіе, юноша. Какъ только сподобитъ Богъ преставиться мнѣ — и уходи изъ монастыря. Совсѣмъ иди. Не здѣсь твое мѣсто пока. Благословляю тебя на великое послушаніе въ міру. Долго тебѣ еще странствовать. И ожениться долженъ будешь, долженъ. Все долженъ будешь перенести, пока вновь придешь. А дѣла много будетъ. Но въ тебѣ не сомнѣваюсь, потому и посылаю тебя. Съ тобой Христосъ. Сохрани Его, и Онъ сохранитъ тебя. Горе узришь великое и въ горѣ сѣмъ счастливъ будешь. Вотъ тебѣ завѣтъ: въ горѣ счастья нищи“. И дѣйствительно, вскорѣ же послѣ смерти старца мы видимъ Алешу въ одеждѣ мірянина.

При гробѣ своего любимаго старца, Алеша пережилъ сильный переворотъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, весьма знаменательный для новой его жизни въ міру. Старца, за

исключеніемъ немногихъ противниковъ его изъ монастырской братіи, всѣ, и міряне и монахи сильно любили и, главное, пріобвыкли считать его, еще при жизни его, за несомнѣннаго и великаго святаго. При гробѣ его ждали немедленнаго проявленія чудотворной силы; тѣло почившаго окружали не только толпы любопытствующихъ, но многіе даже захватили съ тобою больныхъ своихъ, надѣясь получить исцѣленіе для нихъ. Степенный и разсудительный отецъ Паисій, одинъ изъ приближенныхъ усопшаго старца, старался сдержать такое нетерпѣливое ожиданіе вѣрующихъ. „Такое и столь немедленное ожиданіе чего-то великаго, говорилъ онъ инокамъ, есть легкомысліе, возможное лишь между свѣтскими, намъ же неподобающее“. Но его мало слушали. Да и самъ онъ, хотя возмущался слишкомъ нетерпѣливыми ожиданіями и находилъ въ нихъ легкомысліе и суету, однако потаенно про себя, въ глубинѣ души своей, ждалъ почти того же, чего и сіи взволнованные, въ чемъ самъ себѣ не могъ не сознаться. Алеша раздѣлялъ тѣ же вѣрованія; убѣжденіе, что старецъ его по смерти доставитъ необычайную славу монастырю, царило въ душѣ его, можетъ быть даже сильнѣе, чѣмъ у кого бы то ни было въ монастырѣ. Но вотъ отъ гроба почившаго, даже скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ трупа всякаго простого человѣка, сталъ исходить мало-по-малу, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе замѣчаемый тлетворный духъ. Это обстоятельство произвело во всѣхъ необычайный, грубо разнузданный соблазнъ. Враги почившаго были безмѣрно обрадованы. „Знать судь-то Божій не то что человѣческой“, говорили они,—„значитъ нарочно хотѣлъ Богъ указать“. Всѣ же любившіе покойнаго старца страшно чего-то вдругъ испугались и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, робко лишь заглядывали одинъ другому въ лицо. Но особенно сильно и мучительно смутился этимъ обстоятельствомъ Алеша, считавшій впоследствии этотъ горестный день однимъ изъ самыхъ тягостныхъ и роковыхъ дней своей жизни. Въ томъ, что тѣло его старца, вмѣсто того, чтобы немедленно начать производить исцѣленія, подверглось, напротивъ того, раннему тлѣнію и, вслѣдствіе того, осмѣянію и поруганію,—въ этомъ для него было нарушеніе высшей справедливости по отношенію къ лицу, на которомъ въ то время сосредоточива-

лась вся его любовь и который сіялъ предъ нимъ въ ореолѣ праведника. Тотъ, который долженъ бы былъ, по упованіямъ его, быть превознесенъ превыше всѣхъ въ цѣломъ мірѣ,— тотъ самый, вмѣсто славы ему подобавшей, вдругъ низверженъ и опозоренъ. На ходъ его мыслей въ это время несомнѣнно имѣла вліяніе недавняя продолжительная и откровенная бесѣда съ нимъ его брата Ивана. Это была profession de foi Ивана Карамазова. „Я вѣрую въ Бога,—говорилъ онъ Алешѣ,—но міра этого Божьяго не принимаю, и хоть и знаю, что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе“. Онъ не принималъ міра Божьяго изъ-за страданій, которыми наполнена человѣческая жизнь, изъ-за слезъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра: онъ не понималъ смысла этихъ страданій и слезъ. Теперь и Алеша говорилъ словами брата: „я противъ Бога моего не бунтуюсь, а только міра Его не принимаю“. Вмѣстѣ съ этими словами онъ, какъ человѣкъ правдивый и послѣдовательный, сталъ уже у той черты, за которую „все позволено“, такъ что близка была минута, когда совершилось бы паденіе его „изъ святыхъ во грѣшники“, совершился бы „позоръ праведника“. Онъ не только готовъ былъ на колбасу и водку, но даже пошелъ, по приглашенію Ракитина, къ Грушенькѣ. этой, по выраженію Дмитрія, inferнальной женщины, изъ-за которой Дмитрій велъ съ своимъ отцомъ борьбу на смерть. Но кризисъ уже совершился и Алеша вышелъ побѣдителемъ изъ своего маловѣрія.

Приведя Алешу къ Грушенькѣ, Ракитинъ уже радовался видѣть позоръ праведника, но паденія не совершилось. Грушенька была въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, ей приходилось выбирать между однимъ изъ Карамазовыхъ и „прежнимъ“,—тѣмъ офицеромъ полякомъ, который первый обманулъ ее и бросилъ, затѣмъ исчезъ изъ виду, а теперь снова появился на горизонтѣ и снова звалъ ее къ себѣ. Мысль о „прежнемъ“ мучила ее нѣсколько лѣтъ: въ ней боролась жажда мести и презрѣнія съ желаніемъ простить. Это былъ въ ея жизни рѣшительный моментъ, въ который она припоминала все свое прошлое. Она была очень возбуждена. Раньше она сама просила Ракитина привести къ ней Алешу по низкимъ побужденіямъ, но теперь была не такая минута. Однако она была рада Алешѣ. Но и съ

Алешей было не то, чего могъ бы ждать Ракитинъ. И дѣло было не только въ томъ, что глубокое собственное горе прикрывало его крѣпчайшей броней противъ всякаго соблазна и искушенія, но и въ томъ, что эта женщина возбуждала въ немъ чувство необыкновеннаго, величайшаго и чисто-сердечнѣйшаго любопытства,—онъ подмѣтилъ въ ней страданіе и уже полюбилъ ее какъ сестру. Въ свою очередь и Грушенька рада была въ такую рѣшительную минуту своей жизни войти въ общеніе съ человѣкомъ чистой совѣсти, чтобы въ ней найти свѣтъ для своего рѣшенія. Она любила Алешу другою любовью, чѣмъ офицера. Когда она узнала о смерти старца, объ этомъ великомъ горѣ Алеши, она поняла, что его нужно вполнѣ пощадить отъ всякаго прираженія женской ласки,—и эта ея любовь возстановила душу Алеши. Между тѣмъ Грушенька раскрывала предъ нимъ всю свою душу: „всего-то я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мнѣ и есть добродѣтели“,—говорила она. Она высоко цѣнила то, что Алеша пожалѣлъ ее. „Не знаю я,“—говорила она Ракитину,—не вѣдаю, ничего не вѣдаю, что онъ мнѣ такое сказалъ, сердцу сказалось, сердце онъ мнѣ перевернулъ... Пожалѣлъ онъ меня первый, единый, вотъ что! Зачѣмъ ты, херувимъ, не приходилъ прежде,—обратилась она къ Алешѣ,—упавъ вдругъ предъ нимъ на колѣни, какъ бы въ изступленіи. — Я всю жизнь такого, какъ ты, ждала, знала, что кто-то такой придетъ и меня проститъ. Вѣрила, что и меня кто-то полюбитъ, гадкую, не за одинъ только срамъ“!.. „Что я тебѣ такого сдѣлалъ,“—умиленно улыбаясь, отвѣтилъ Алеша, нагнувшись къ ней и нѣжно взявъ ее за руки,—луковку я тебѣ подаль, одну самую малую луковку, только, только“!... И, проговоривъ, самъ заплакалъ. Это были слезы начинавшагося примиренія.

Когда Алеша возвратился въ монастырь, по-монастырскому уже очень поздно, сердцу его было сладко и странно. При видѣ гроба своего старца онъ уже не испытывалъ ноющей, мучительной жалости; радость сіяла въ умѣ его и сердцѣ его. Предъ нимъ возставалъ живой образъ его старца, ему вспоминались его наставленія. Ставъ на колѣняхъ и слушая читавшееся надъ покойникомъ евангеліе и именно повѣствованіе о чудѣ на бракѣ въ Канѣ Галилейской, онъ

заснулъ. Ему приснился брачный пирь, среди сидѣвшихъ за столомъ былъ и его старецъ. Онъ подошелъ къ Алешѣ и говорилъ ему: „Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ. Веселимся. Я луковку подаль, вотъ и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, по одной только маленькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты, тихій, и ты, кроткій мой мальчикъ, и ты сегодня луковку сумѣлъ подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткій, дѣло свое“!... Алеша проснулся въ какомъ то восторгѣ. Бунтъ противъ Бога прошелъ, примиреніе состоялось, оно состоялось на томъ убѣжденіи, что всѣ наши дѣла—только луковка, что мы призваны не къ проявленію въ насъ и чрезъ насъ великолѣпной чудотворной силы Божіей, а къ маленькимъ дѣламъ, которыя доступны намъ въ нашей земной низости. Онъ вышелъ изъ кельи и повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ... И онъ чувствовалъ, какъ что-то твердое и неизблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его—и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ,—всталъ съ готовностью не только на жертву сразу всею своею жизнью, но на подвигъ служенія людямъ невидными и негромкими дѣлами любви.

Чрезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря.

Въ высшей степени интересно сравнить Алешу съ однимъ изъ представителей предшествующаго типа. Для сравненія возьмемъ наиболѣе симпатичный и даже прекрасный образъ мистически настроенной жизни въ лицѣ Лизы Калитиной изъ „Дворянскаго гнѣзда“. Уже внѣшность Лизы была какъ бы воздушная: блѣдное лицо, серьезные глаза и губы, легкая походка, голосъ тихій. Напротивъ, Алеша былъ статный, краснощекій, со свѣтлымъ взоромъ, пышавій здоровьемъ юноша. Сбросивъ подрясникъ, онъ носилъ прекрасно сшитый сюртукъ и смотрѣлъ совсѣмъ красавцемъ. Лиза, воспитанная на житіяхъ, полагала, что христіаниномъ нужно быть не для чего-либо другого, а единственно для того, что

каждый человекъ долженъ умереть; она часто думала о смерти. Напротивъ, Алеша любилъ жизнь, любилъ ее прежде логики, прежде смысла ея, любилъ эти клейкіе распускающіеся весной листочки; характеръ любви его былъ всегда дѣятельный. Когда любимый Лизой человекъ признался ей въ любви, ей стало страшно; при его словахъ: „я васъ люблю“ она вздрогнула, какъ будто ее что-то ужалило, она подняла взоры къ небу и промолвила: „это все въ Божьей власти“. Напротивъ, Алеша, хотя былъ въ высшей степени стыдливый и цѣломудренный юноша, однако въ глубинѣ души онъ былъ Карамазовъ, онъ признавался Лизѣ Хохлаковой: „вы невиннѣ меня, а ужъ я до многого, до многого прикоснулся“. По наблюденію Ракитина, онъ былъ по матери юродивый, по отцу сладострастникъ, былъ тихоня и святой и въ то же время чортъ знаетъ о чемъ уже не думалъ, дѣвственникъ, а ужъ такую глубину прорешеть. Онъ многое „понималъ“. Когда онъ прочиталъ любовное письмо Лизы Хохлаковой, этого бѣсенка, какъ ее называлъ Иванъ, онъ засмѣялся тихо, сладко и счастливо. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, Лиза Калитина любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Она жила тихою внутреннею жизнью. При первой неудачѣ въ жизни она заключилась въ монастырь. Напротивъ, Алеша, укрѣпленный въ монастырѣ, выходитъ изъ него въ жизнь. Любовь его всегда была индивидуальною: онъ любилъ людей, съ которыми встрѣчался, любилъ ребяташекъ, любилъ отца, братьевъ, Грушеньку, Катю, Лизу Хохлакову... Его постоянно мучить забота о братьяхъ и обо всѣхъ, кого онъ любилъ.

Какимъ же дѣятелемъ выступаетъ предъ нами Алеша Карамазовъ, сначала только по временамъ появляясь изъ монастыря въ міру, а потомъ постоянно живя въ міру? Онъ совершенно забываетъ о себѣ и въ той же самой степени погруженъ въ заботы о другихъ. Преисполненный ко всѣмъ любви, онъ обладаетъ сердцемъ отзывчивымъ; чужое горе и чужую радость онъ чувствуетъ какъ свои собственныя, чужая душа для него близка и открыта; онъ все понимаетъ въ чужихъ страстяхъ, горѣ и радостяхъ. Онъ ко всѣмъ

относится съ полною правдивостью и искренностью; онъ говоритъ то, что думаетъ; поступаетъ такъ, какъ чувствуетъ; онъ не можетъ ограничиться чувствомъ и словомъ, онъ жаждетъ немедленнаго дѣла, хотя бы его дѣло было ничтожно, простая луковка. Онъ постоянно спѣшитъ куда-нибудь, всегда его ждетъ какое-нибудь дѣло. Онъ спѣшитъ отъ отца къ брату, отъ одного брата къ другому, отъ нихъ къ Грушенькѣ, отъ нея къ Катѣ, которая была сначала невѣстою Дмитрія, брошенною имъ для Грушеньки, а потомъ невѣстою Ивана. И никакимъ то дѣломъ онъ не пренебрегаетъ, какъ бы ни былъ занятъ; онъ всегда готовъ отложить задуманное дѣло ради того, которое ему представляется непосредственно. Поглощенный чрезвычайно сложными отношеніями отца, братьевъ, Кати и Грушеньки, онъ въ то же время занятъ примиреніемъ школьникова съ ихъ товарищемъ Плюшей, котораго они гнали и обижали, который былъ озлобленъ противъ нихъ, былъ озлобленъ противъ всѣхъ, за глубокое оскорбленіе его отца пьянымъ Дмитріемъ. Знакомство съ нимъ Алеши началось тѣмъ, что онъ, признавъ въ Алешѣ брата Дмитрія, бросился на него на улицѣ и больно укусилъ ему палець, въ то время какъ Алеша вступился за него предъ мальчишками, бросившими въ него камнями. „Связываться съ мальчишками!“-гнѣвно вскричала на Алешу Лиза, узнавъ про эту исторію. Но Алеша разыскиваетъ мальчика, разузнаетъ про обиду, которую его отцу нанесъ Дмитрій, про отношенія, въ которыхъ онъ находился къ товарищамъ школьникамъ, вникаетъ въ нужды его семейства, приводитъ къ нему и миритъ съ нимъ его товарищей, не оставляетъ его до смерти, близко сходится съ мальчиками, говоритъ съ ними какъ съ равными, привязываетъ ихъ къ себѣ... и это въ то время, когда одинъ изъ нихъ братьевъ былъ наканунѣ ссылки за мнимое убійство отца, а другой лежалъ при смерти. Да, онъ никому не отказывалъ въ луковкѣ.

За эту луковку всѣ любили Алешу и заботились о немъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ самъ о себѣ забывалъ, всѣ заботились о немъ, потому что онъ всѣмъ былъ дорогъ,— всѣмъ онъ былъ дорогъ потому, что каждому подавалъ такую луковку, какой никто другой не могъ подать. Онъ дорогъ былъ всѣмъ своею правдивостью, искренностью, чи-

стотою своей совѣсти, онъ всюду вносилъ умиротвореніе, успокоеніе, откровенность. „Съ тобой только однимъ бывали у меня добренькія минутки, а то я вѣдь злой человѣкъ“, говоритъ ему отецъ. „Я тебя больше всѣхъ люблю“,— говоритъ Алешѣ Дмитрій,— „ты у меня все“. Мысль объ Алешѣ спасаетъ Дмитрія отъ самоубійства; его только мнѣніемъ онъ дорожить; невѣріе Алеши въ то, что онъ убилъ отца, возрождаетъ его. Даже Иванъ не могъ устоять предъ желаніемъ „познакомиться съ нимъ разъ навсегда и его съ собой познакомить“. „Я отъ васъ одного могу узнать всю правду“, говорила ему Катерина Ивановна; она довѣряла ему всѣмъ своимъ существомъ и его только мнѣніемъ дорожила. Когда Грушенъка смотрѣла на Алешу, она стыдилась себя, только его одного она любила по-иному, чѣмъ другихъ. „Никогда предъ вами не солгу“, сказала ему Лиза, „мнѣ только вашихъ слезъ и надо, а другіе пускай казнятъ меня“.... Вся луковка Алеши состояла въ томъ, что съ нимъ людямъ было лучше и при немъ люди становились лучше.

Какъ хотѣлось бы посмотрѣть Алешу въ положеніи семьянина, служащаго, работника; но образъ Алеши Карамазова не оконченъ....

V.

Четыре разсмотрѣнныхъ типа религіозно-нравственной жизни мы распредѣлили въ двѣ группы по двѣ въ каждомъ. Конечно, это раздѣленіе вполнѣ условно. Въ другомъ отношеніи ихъ можно разбить на два отдѣла, помѣстивъ въ одномъ первые три типа и въ другомъ—четвертый. Именно первые три типа имѣютъ нѣкоторыя общія черты, по которымъ они объединяются и противопоставляются четвертому типу.

Какія же это общія черты, по которымъ первые три типа противопоставляются четвертому?

Обрядовое богослуженіе, внѣшне-юридическое благоустройство церковной общины и интеллектуальная вѣра—все это формы символическаго служенія Богу, тогда какъ живая вѣра и дѣятельная любовь составляютъ истинное, т. е. самымъ дѣломъ, служеніе Богу.

Если мы спросимъ, въ чемъ состояло спасительное дѣло Господа нашего Иисуса Христа въ самомъ общемъ его ха-

рактёръ, то отвѣтъ можетъ быть одинъ: всѣ люди до Христа служили Богу внѣшне и символически, а Онъ, даровавъ человѣку вѣчную божественную жизнь, научилъ насъ поклоняться Богу духовно и истинно, т. е. самымъ дѣломъ, непризрачно. Не говоря уже о религіяхъ языческихъ, самая высшая изъ дохристіанскихъ религій, религія іудейская предписывала человѣку правила внѣшняго благоповеденія, давала ему чистоту тѣлесную, а не душевную, сообщала ему только сѣнь грядущихъ благъ, а не дѣйствительныя блага,—въ ветхозавѣтномъ богослуженіи все было внѣшне и образно. Вообще человѣкъ до Христа не зналъ самого себя, не зналъ дѣйствительнаго блага, истинной жизни: онъ полагалъ сущность своей жизни въ тѣлѣ и внѣшнихъ отношеніяхъ, искалъ блага въ тѣлесной красотѣ и силѣ, въ политической славѣ своего народа—во временномъ, тѣновомъ, скоропреходящемъ. И Богу онъ посвящалъ не самого себя, а только свое, внѣшнее. Господь Иисусъ Христосъ открылъ человѣку великую истину, что Богъ есть духъ, что Онъ не нуждается подобно человѣку въ пищѣ и питіи, что Онъ не смотритъ на лица, на происхожденіе, внѣшнее положеніе и внѣшнюю праведность человѣка, что Онъ не требуетъ отъ него внѣшнихъ жертвъ, что Онъ можетъ открываться только въ духѣ человѣка, что Онъ хочетъ отъ него духовной жертвы—душевной чистоты, милости и любви; во свѣтѣ этой великой истины онъ научилъ человѣка видѣть сущность своей жизни въ духѣ и въ духѣ же совершать служеніе Богу. Богъ есть духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ (Іоан. IV, 24). Духовная жизнь въ человѣкѣ, которую даровалъ людямъ Господь Иисусъ Христосъ и которая проявляется прежде всего въ живой вѣрѣ и дѣятельной любви,—духовная жизнь есть истинная вѣчная божественная жизнь и потому служеніе Богу въ духѣ есть служеніе истинное, дѣйствительное, а не призрачное. Духовная жизнь есть истинное, непреходящее благо для человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ явленіе божественной жизни, обнаруженіе божественной славы, она есть подлинное служеніе Богу. Христосъ научилъ насъ, что служеніе Богу должно состояться не особыми специфическими дѣйствіями человѣка и учрежденіями, но вся жизнь человѣка должна быть богослуженіемъ. Дѣйствительная,

истинная жизнь, подлинное благо и служение Богу, угождение Ему—все это не отдѣльные области, но все это одно и то же: нельзя жить подлинною жизнью и имѣть вѣчное благо, не служа Богу, но и служение Богу состоитъ именно въ томъ, что есть для человѣка истинное благо и что составляетъ его дѣйствительную жизнь,—служение Богу состоитъ въ духовной жизни, въ живой вѣрѣ и дѣятельной любви.

Если служение Богу состоитъ въ духовной жизни, въ живой вѣрѣ и дѣятельной любви, то мірской человѣкъ можетъ истинно служить Богу, только переставъ быть по духу мірскимъ человѣкомъ, только духовно возродившись. Иначе для него возможно лишь символическое служение Богу. Такъ служить Богу и христіанинъ, послѣдовавшій Христу по имени и сохранившій въ сердцѣ своемъ земныя пристрастія.

Въ то время какъ ветхій человѣкъ, не знавшій духовной жизни, могъ служить Богу только символически, и могъ быть въ своемъ символическомъ богослуженіи вполнѣ искреннимъ, какъ и на самомъ дѣлѣ язычники и іудеи поражаютъ насъ своею религіозною искренностью и полнымъ соответствіемъ своего духовнаго склада религіознымъ представленіямъ и религіозной практикѣ; въ христіанинѣ одностороннее символическое служение Богу является болѣе или менѣе сознательною измѣною духу Христа, болѣе или менѣе завѣдомымъ прикрытіемъ земныхъ пристрастій. Полная духовная жизнь здѣсь, на землѣ, идеаль; приближеніе къ нему или отступленіе отъ него путемъ символическаго служенія Богу составляетъ человѣческую сторону въ христіанствѣ, психологическую дѣйствительность христіанской жизни, индивидуальное обнаруженіе христіанскаго духа.

Возможны три формы символическаго служенія Богу въ христіанствѣ — обрядовое богослуженіе, церковно-юридическое благоустройство и интеллектуальная вѣра. Эти формы служенія Богу мы называемъ символическими формами служенія Богу потому, что они могутъ практиковаться христіаниномъ безъ наличности въ немъ духа Христова, духовной жизни, живой вѣры и дѣятельной любви. Можно право вѣровать, исповѣдывать устами Христа, усердно исполнять богослужебные обряды и въ тоже время жить по-язычески;

можно умерщвлять плоть свою аскетическими подвигами и въ то же время любить славу человѣческую и не имѣть въ сердцѣ своемъ смиренной живой вѣры; можно соблюдать всѣ церковныя постановленія, быть въ повиновеніи церковной власти, блюсти церковное единеніе и въ то же время не имѣть въ себѣ любви Христовой и Его духа. Интеллектуальная вѣра, обрядовое богослуженіе и церковно-юридическое благоустройство, если имъ не соотвѣтствуетъ духовная жизнь христіанина, если они не сопровождаются добрыми дѣлами—это пустой символъ, мертвое тѣло, храмъ безъ божества. Къ этимъ именно символамъ относятся слова Христа: „царствіе Божіе внутрь васъ есть“ (Лук. XVII, 21); „не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго. Многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день: Господи! Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не Твоимъ ли именемъ многія чудеса творили? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе“ (Мѡ. VII, 21—23). Также пишетъ св. апостоль Павелъ: „если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая, или кимваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“ (1 Кор. XIII, 1—3). Даже о святѣйшемъ таинствѣ евхаристіи тотъ же апостоль научаетъ, что одно только принятіе хлѣба сего и чаши сей еще не спасаетъ человѣка, если онъ въ своей жизни не слѣдуетъ тому завѣту въ крови Господа, завѣту смерти Его, которая возвѣщается этимъ таинствомъ; одно принятіе хлѣба сего и чаши сей не только не спасаетъ человѣка, но даже, если кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей, или пить чашу Господню недостойно, тотъ виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Господней, тотъ ѣсть и пьетъ осужденіе себѣ (Кор. XI, 26—29).

Однако—и мы должны обратить на это особое вниманіе—церковно-юридическое благоустройство, интеллектуальная вѣра, аскетическіе подвиги и обрядовое богослуженіе — все это не пустая внѣшность, безусловно-безразличная въ рели-

религиозно-нравственномъ отношеніи, какъ смотритъ на нихъ односторонне-отвлеченный рационализмъ, но это именно символы религиозно-нравственной жизни: они представляютъ собою путь, которымъ можно приближаться къ духу Христову. Въ послѣднемъ случаѣ они имѣютъ глубокое воспитательное значеніе,—они представляютъ собою средство воспитанія духовной жизни. Объ этомъ ихъ положительномъ значеніи я уже говорилъ въ своей статьѣ „Цѣль и смыслъ жизни“. Поэтому сущность односторонне-символическаго служенія Богу въ христіанствѣ состоитъ въ томъ, что символъ ставится на мѣсто дѣйствительности. Это, конечно, не то, что просто слышать благовѣстіе о Христѣ и не послѣдовать или, принявъ, отпасть отъ него, что бываетъ или съ тѣмъ, у кого лукавый похищаетъ посѣянное въ сердцѣ слово Божіе, или съ тѣмъ, кто бываетъ привременнымъ и соблазняется отъ скорби и гоненій, или съ тѣмъ, у кого слово Божіе заглушается заботами вѣка сего и обольщеніемъ богатства. Объ этихъ явленіяхъ душевной жизни у насъ теперь и рѣчи нѣтъ. Мы говоримъ о положительныхъ типахъ религиозной жизни, о формахъ служенія Богу. Впрочемъ это не значитъ, что замѣна религиозной дѣйствительности символомъ не вмѣняется человѣку въ своей собственной специфической особености,—напротивъ. Односторонне-символическое служеніе Богу это не то, что просто вмѣсто истинно-религіознаго дѣла заниматься внѣшними дѣлами, не имѣющими никакого отношенія къ религіи и никакого значенія для нея, какъ было бы при односторонне-рационалистическомъ взглядѣ на символическое богослуженіе,—здѣсь религиозная дѣйствительность замѣняется символомъ; но въ этомъ и состоитъ специфическій грѣхъ христіанина. Христіанскій символъ не есть пустая внѣшность, но есть символъ духовной жизни, онъ обязываетъ христіанина къ духовной жизни, представляя изъ себя средство воспитанія въ людяхъ духа Христова. Посему христіанинъ, ограничиваясь символомъ, успокоиваясь на символическомъ служеніи Богу, погрѣшаетъ противъ той дѣйствительности, которую символъ обозначаетъ. Если бы евхаристическій хлѣбъ и вино были простой хлѣбъ и простое вино, то не погрѣшала бы христіанинъ, принимая ихъ недостойно. Но какъ евхаристическіе хлѣбъ и вино суть завѣтъ смерти

Христовой, то принимающій ихъ недостойно погрѣшаетъ противъ тѣла и крови Господней. И какъ въ частности христіанинъ виновенъ въ этомъ случаѣ противъ тѣла и крови Господней, такъ вообще христіанинъ, успокоиваясь на символахъ духовной жизни, на символическомъ служеніи Богу, становится виновнымъ противъ духа Христова, противъ духовной жизни.

Молитва, аскетическое умерщвленіе плоти и Христа ради юродство суть только подготовительныя ступени духовной жизни; правовѣріе обязываетъ къ живой вѣрѣ и самоотреченію ради Христа; церковная община есть среда, въ которой воспитывается дѣятельная любовь, и, наконецъ, обрядовое богослуженіе служитъ символомъ того, что вся жизнь христіанина должна быть служеніемъ Богу....

VI.

Различая въ религіозной жизни человѣка символическое служеніе Богу отъ духовнаго и истиннаго богослуженія, мы получаемъ возможность не только подмѣчать индивидуальныя формы христіанской жизни, но и оцѣнивать типическія формы христіанской исторіи. Въ христіанской исторіи мы встрѣчаемъ тѣ же самыя типы, что и въ индивидуальной жизни христіанъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое католичество, какъ не замѣна духовной жизни символомъ церковно-юридическаго благоустройства или, по крайней мѣрѣ, какъ не преобладаніе церковно-юридической внѣшности надъ духомъ христіанской жизни? Католичество это христіанская община, учрежденная на основѣ римскаго права; католическая церковь это духовенство, возглавляемое въ лицѣ непогрѣшаемаго папы, слѣпо ему повинующееся и деспотически господствующее надъ мірянами. Въ католичествѣ мы видимъ въ высшей степени послѣдовательное, откровенное и грандіозное примѣненіе земной силы — силы власти, авторитета и закона—во имя христіанскихъ благъ. Папство имѣетъ въ своемъ распоряженіи сложную систему власти, армію духовенства и монашескихъ орденовъ; оно хочетъ грубымъ внѣшнимъ усиленіемъ овладѣть сокровищницей христіанскихъ благъ и распоряжаться ею по своему произволу, оно хочетъ внѣшнимъ насиліемъ привести людей къ этимъ бла-

гамъ, спасти ихъ. „Игомъ закона, строгой дисциплиной и авторитетомъ власти“ католическое духовенство господствуетъ надъ совѣстью своихъ „подданныхъ“ христіанъ; высшею добродѣтелью оно ставитъ послушаніе, имъ обуславливаетъ всякое доброе дѣло; владычествуя надъ совѣстью христіанъ и ставя для него единственнымъ критеріемъ добра послушаніе духовной власти, оно не оставляетъ мѣста въ ихъ сердцахъ для живой вѣры и дѣятельной любви. Весьма примѣчательно, что въ такой характеристикѣ римско-католической церкви сходятся до буквального совпаденія отзывы русскаго художника-мыслителя Ф. М. Достоевскаго и современнаго корифея западной церковной науки, А. Гарнака. (*Das Wesen des Christentums*,—*akademische Ausgabe*, Leipzig. 1902, S. 158). Римская церковь цѣнитъ въ своихъ христіанахъ только тѣ услуги, которыя они ей оказываютъ, а въ христіанскихъ благахъ видитъ лишь награду за эти услуги. Для внутренняго усилія человѣка въ достиженіи этихъ благъ здѣсь нѣтъ мѣста. Всѣ другія стороны римско-католической церковной жизни объясняются этимъ основнымъ направленіемъ ея—юридическій характеръ какъ церковнаго устройства, такъ и вѣроученія, соединеніе традиціонализма вѣры съ произволомъ папы, рѣзкое раздѣленіе духовенства отъ мірянъ, ограниченіе права читать слово Божіе духовенствомъ, театральность богослуженія, рассчитаннаго на эффектъ, механичность тайнодѣйствій, характеръ монашескихъ орденовъ, какъ служебнаго орудія папы въ господствѣ надъ совѣстью мірянъ.

Далѣе, что такое протестантство, какъ не замѣна духовной жизни символомъ интеллектуальной вѣры? Протестантство это интеллектуализмъ вѣры, но не въ его героической формѣ, логически и, отчасти, исторически первоначальной, не въ формѣ односторонняго аскетизма, который въ древней церкви вырождался даже въ еретическія направленія, а въ позднѣйшей формѣ отвлеченнаго мистицизма. Основа протестантства — мистическая оправдывающая вѣра. „Богъ хочетъ отъ насъ только вѣры и только чрезъ вѣру хочетъ Онъ быть въ общеніи съ нами“,—повторялъ безчисленное множество разъ Лютеръ. „Вѣра должна быть началомъ, серединой и концомъ всего благочестія“,—говоритъ позднѣйшій представитель протестантства, А. Гарнакъ (op. cit. Ss. 169. 170).

Все личное служеніе христіанина Богу состоитъ въ утвержденіи вѣры; въ возвѣщеніи слова Божія и въ молитвѣ — все общественное богослуженіе; церковь это общеніе вѣры и общество вѣрующихъ, въ которомъ право возвѣщается слово Божіе. Протестантству недостаетъ не только аскетической основы, что съ прискорбіемъ сознаютъ сами протестанты (ib. S. 180—181), и собственно церковнаго устройства, такъ что протестантскія церкви являются лишь вѣдомствомъ въ государствѣ, безъ собственной отвѣтственности и активности, ему не только недостаетъ благолѣпія обрядового богослуженія, имѣющаго глубокое символически-воспитательное значеніе, но ему недостаетъ живой вѣры и дѣятельной любви. Оно забываетъ, что истинная вѣра есть не та, которая создаетъ только настроеніе, а та, которая дѣйствуетъ любовью, которая служитъ основой духовной жизни, — оно пренебрегаетъ словами Христа: „если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди“ (Іоан. XIV, 15 ср. ib. S. 180), — оно забываетъ, что преданіе не есть только изустное добавленіе къ слову Божію, но есть непрерывная преемственность духовной жизни, живой вѣры и дѣятельной любви.

Протестантская вѣра есть прежде всего мистическая вѣра, пассивное настроеніе, не случайно влекущее за собою ослабленіе нравственной дѣятельности. Сущность протестанства, поэтому, прежде всего проявляется во множествѣ мистическихъ сектъ-піетистовъ, квакеровъ, гернгутеровъ и пр. Наряду съ этимъ нужно признать за несомнѣнное, что жизнь протестантскихъ народовъ течетъ широкимъ русломъ культурнаго прогресса. Но дѣло въ томъ, что этотъ культурный прогрессъ въ религіозномъ отношеніи имѣетъ единственнымъ основаніемъ отрицательную свободу протестанства, сверженіе стѣснительнаго ига римско-католическаго авторитета; это дало возможность развернуться естественнымъ силамъ человѣка во всей ихъ мощи и вмѣстѣ использовать христіанство въ мірскихъ цѣляхъ, но самый этотъ культурный прогрессъ не есть собственно проявленіе христіанскаго духа, совершается не подъ его контролемъ, и даже въ позднѣйшемъ социализмѣ становится въ явное противорѣчіе съ нимъ. Во всякомъ случаѣ культурный ростъ западнаго міра сопровождается ослабленіемъ религіозныхъ интересовъ въ протестантскомъ мірѣ. Вмѣстѣ съ этимъ

ослабленіемъ религіознаго духа протестантская мистическая вѣра дѣлаетъ послѣдній шагъ въ направленіи отъ средне-вѣковаго аскетизма и становится отвлеченнымъ гносисомъ, рационализмомъ. Современное намъ протестантство это церковь богослововъ. Въ этомъ, конечно, причина широкаго развитія протестантской богословской науки, но въ самомъ протестантскомъ мірѣ это развитіе оплачивается безжизненностью богословской вѣры.

Переходя къ третьему историческому типу христіанства—типу обрядоваго богослуженія, мы конечно прежде всего должны остановиться на своемъ національномъ обрядовѣрин, которое въ теченіе многихъ вѣковъ усиленно обличается нашими проповѣдниками и нашло свое рѣзкое выраженіе въ старообрядчествѣ.

Быть можетъ, многіе изъ васъ ожидали, что я, назвавъ католичество и протестантство, сопоставлю съ ними православіе. Но православіе можно понимать въ двухъ смыслахъ—или въ ложномъ національномъ смыслѣ, по которому оно совпадаетъ съ этимъ російскимъ или греко-російскимъ обрядовѣріемъ, или же въ истинномъ универсальномъ смыслѣ, по которому оно совпадаетъ съ христіанствомъ, какъ оно и называется у нѣкоторыхъ изъ нашихъ наилучшихъ богослововъ и должно называться. Поэтому не иначе какъ съ прискорбіемъ можно смотрѣть на легкомысленныя попытки связать неразрывно православіе съ опредѣленными формами государственной жизни и національнаго характера. Западныя вѣроисповѣданія дѣйствительно представляютъ собою временныя народныя формы христіанства: католичество—это христіанство романскихъ народовъ, протестанство—германскихъ народовъ; но православіе въ истинномъ смыслѣ, по которому оно совпадаетъ съ христіанствомъ, универсально и вѣчно: оно призвано объять всѣ народы, оно, опираясь на евангеліе, ограничено только предѣлами вѣковъ. Западные христіане, по собственному ихъ признанію, католики-кифобы и протестанты-павловы, мы, какъ христіане, хотимъ быть и оставаться Христовыми. Съ католичествомъ и протестантствомъ нужно сопоставлять не православіе - христіанство, а тоже національную форму христіанства и именно русское обрядовѣріе, старообрядчество.

Вообще говоря, обрядовѣріе не исключительно наше на-

ціональное, оно принято нами отъ грековъ: припомнимъ тотъ восторгъ, въ который привело Владиміровыхъ пословъ богослуженіе въ св. Софін.

Въ греческой церкви съ древнихъ временъ, подъ вліяніемъ языческой философіи, а особенно съ IV вѣка, когда въ христіанскую церковь вступило множество язычниковъ по мірскимъ разчетамъ, обнаруживались крайности символическаго служенія Богу, въ видѣ напр. манихейскаго аскетизма, гностическаго интеллектуализма, или той страсти къ пустому богословствованію, которую порицаетъ Григорій Богословъ, въ видѣ случайныхъ крайностей чрезмѣрно пышнаго богослуженія или временнаго перенесенія государственныхъ формъ на церковное устройство. Но въ греческой церкви все это проявлялось временно и случайно, не исчерпывая существа церковной жизни. Въ исключительной односторонности формы символическаго богослуженія были усвоены: католичествомъ — юридическое церковно-устройство, протестантствомъ — интеллектуализмъ вѣры, а русскій народъ принялъ отъ грековъ преимущественно богослужебную обрядность. Говоримъ это потому, что формы церковнаго устройства и символъ вѣры приняты нами и содержатся въ совершенной неизмѣнности, ими нашъ народъ не живетъ. какъ жили греки, напр. христологическими спорами, тогда какъ церковное богослуженіе получило у насъ широкое развитіе, имѣетъ для народа живое воспитательное значеніе и во всякомъ случаѣ въ настоящее время наше церковное богослуженіе своимъ благолѣпіемъ превосходитъ все то, что въ этой области даютъ не только католичество, но и современныя греческая и другія восточныя церкви. Характерно уже то одно, что церковно-національный грѣхъ Россіи падаетъ не на области вѣроученія и церковнаго устройства, а на область богослуженія.

Но обрядовѣріемъ далеко не исчерпывается содержаніе религіозной жизни русскаго народа, которая всегда была двоевѣріемъ. Наряду съ развитіемъ внѣшняго богослуженія въ глубинѣ народной русской жизни живымъ родникомъ бьетъ истинная духовная жизнь въ глубочайшихъ проявленіяхъ—смиренной вѣры и дѣятельной любви. И это, несомнѣнно, проявленія въ русскомъ народѣ истиннаго православія, истиннаго христіанства. Образъ Алеши Карамазова взять

изъ живой дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ въ высшей степени примѣчательна та черта религиозной жизни русскаго народа, что у насъ монастыри, эти центры богослужебнаго благолѣпія, молитвенныхъ и аскетическихъ подвиговъ, никогда не были мѣстами безусловнаго уединенія, не отгораживались отъ міра непроходимомъ стѣною, напротивъ они всегда были исходными пунктами духовнаго просвѣщенія страны, сюда стекаются и здѣсь получаютъ утѣшеніе богомольцы со всѣхъ концовъ русской земли, изъ нихъ выходили носители дѣятельной любви, они были опорой для благихъ начинаній государственныхъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи образъ святого основателя сей святой обители, благословляющаго иконой русскаго князя на борьбу съ врагами, служить прекраснымъ изображеніемъ религиозной жизни русскаго народа. Исторія, дѣйствительность, искусство русскаго народа неопровержимо свидѣтельствуютъ, что русскій народъ въ глубинѣ своей религиозной жизни живетъ устоями, которые художественно воспроизведены въ образѣ Алеши Карамазова, что этотъ образъ взять изъ русской дѣйствительности. Въ созданіи этого образа Достоевскій болѣе націоналенъ, чѣмъ какой-либо другой писатель, чѣмъ онъ самъ въ другихъ отношеніяхъ. Гарнакъ, давшій рѣзкій отзывъ о восточномъ православіи, не могъ не засвидѣтельствовать изъ собственнаго знакомства съ русскою жизнью, что русскій народъ живетъ смиренною вѣрою, кротостью и силою братской любви ¹⁾. Какъ чужой намъ онъ не могъ постигнуть только одного, что въ данномъ случаѣ евангельскій идеаль смиренной вѣры и кроткой любви находитъ опору въ національныхъ особенностяхъ народа. Люди вѣрующіе и любящіе могутъ быть и среди романскихъ и среди германскихъ народовъ, но смиренно вѣрующій и кротко любящій народъ есть только русскій: „Золото, золото — сердце народное“, — и есть же дѣйствительно что-то въ народной душѣ нашей, безконечно умилительное, дорогое, завѣтное всѣмъ... Русскій народъ глубоко религиозенъ, религиозенъ душевно, какъ бы ни представлялась на поверхностный взглядъ без-

¹⁾ Ich kann bestätigen, wie sich selbst beim russischen Bauern oder niederen Priester... eine Kraft des schlichten Gottvertrauens, eine Zartheit der sittlichen Empfindung und eine thatkräftige Bruderliebe findet, die ihren Ursprung aus dem Evangelium nicht verleugnet. Ibid. S. 151.

сердечныхъ людей эта религіозность простымъ и неодоухотвореннымъ формализмомъ внѣшняго благочестія. Народъ-пахарь имѣетъ всѣ данныя быть народомъ—философомъ, и именно философомъ религіознымъ, ибо вѣдь и каждая высшая религіозная философія зарождалась подъ безбрежнымъ, глубокимъ и чистымъ небомъ, всѣ чудныя молитвы и хвалы Господу слагались при таинственномъ блескѣ вѣчныхъ звѣздныхъ очей, среди открытой, не подправленной чело-вѣческой фантазіей, природы, сохранившей въ своей нетронутой красѣ отраженіе великаго дна творчества. Исканіе божественныхъ началъ жизни, свойственное простому народу, его неостанавливающееся религіозное движеніе показываютъ, что есть въ русской душѣ одна завѣтная дума, безконечно дорогая, священная, и растеть, не гаснетъ она, сладко тревожа сердце, ищетъ жизни, правды и умиленія. Народъ хочетъ быть сознательнымъ христианиномъ, жаждетъ всецѣло принять истину Бога въ свое открытое, безгранично-любящее сердце. Не религіозною настроенностью только, которая легко можетъ быть и очень часто бываетъ исключительно простою, чисто-внѣшней благочестивостью, опредѣляется достоинство вѣры русскаго народа, но ея глубокимъ жизненнымъ и философскимъ значеніемъ. Глубоко, глубоко залегаетъ въ народной душѣ мысль о Богѣ, о вѣчности, о безсмертіи божественной правды, она тепла и молитвенна, она рвется въ жизнь, жаждетъ сказаться въ ней во всемъ своемъ чудномъ значеніи. Народъ ищетъ *правду христианскую* въ жизни, вѣря, что нѣтъ той области человѣческихъ отношеній, которыя могли бы слагаться безъ освѣщенія ея святымъ свѣтомъ, о которыхъ не было бы сказано людямъ слова отъ Бога¹⁾. „Русь созидаетъ высшую изъ возможныхъ культуръ, — *культуру религіозную*“²⁾. Проведеніе въ жизнь христианскихъ началъ лежитъ въ основѣ всей жизни русскаго народа; сознание этого направленія жизни лежало въ основѣ славянофильства; сознательное стремленіе къ этимъ началамъ лежитъ въ основѣ новѣйшаго русско-славянскаго движенія³⁾.

1) *Заря*. Русско-славянскій сборникъ, вып. 1, М. 1902, стр. 49. 111—112.

2) *Москва*. Литературно-политическій сборникъ, вып. 1, М. 1902, стр. 2.

3) Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія названные сборники.

Съ гордостью говорить Гарнакъ о томъ, что нѣмцы внесли во всеобщую исторію; о славянахъ, по его мнѣнію, нельзя сказать подобное—*von den Slaven lässt sich Ähnliches nicht behaupten S. 177.* Нѣтъ, и славяне вносятъ свою лепту во всемірную исторію. Конечно, духъ католичества могъ обнаружиться только въ грандіозныхъ внѣшнихъ явленіяхъ, протестантство могло заявить себя только величайшимъ переворотомъ, а духъ русскаго народа для проявленія чрезъ него евангельской жизни не требуетъ громкихъ дѣлъ, но только неустанной невидимой работы, внутренняго кроткаго дѣла. Однако ужели поэтому признать эту духовную работу менѣе значительной? Согласно съ евангеліемъ нужно дать иной отвѣтъ. Не мала та лепта, которую вносятъ въ сокровищницу всемірной исторіи русскій народъ.

Русскій народъ живетъ духовною жизнью, вноситъ свою долю въ общечеловѣческое дѣло. Но это его дѣло совершается во многихъ отношеніяхъ стихійно, поэтому многія противныя вліянія по временамъ одерживаютъ надъ нимъ верхъ. Нужно, чтобы это дѣло совершалось имъ съ полнымъ сознаніемъ, чтобы онъ неуклонно шелъ евангельскимъ путемъ. Содѣйствовать выработкѣ въ немъ яснаго сознанія своего христіанскаго призванія, своихъ евангельскихъ задачъ — такова ближайшая задача русскої этики, которая должна исходить изъ словъ Христа: „*Богъ есть духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истинѣ*“.

М. Таръевъ.